

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Мамаладзе Александр Александрович

аспирант

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный

лингвистический университет»

г. Пятигорск, Ставропольский край

ОБРАЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО-КОНФЛИКТОГЕННОЙ ЗОНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

Аннотация: проблематика статьи представляет определенный интерес в контексте соображений государственной безопасности и территориальной целостности страны, раскрывая предпосылки создания конфликтной зоны на примере Республики Ингушетия. Для работы были использованы типологический и системный методы. Применялись также элементы аналитического, ретроспективного и актуального моделирования и метод критического анализа при изучении источников, а также теоретические основы и современные достижения таких наук, как история, политология, социология, криминология.

Ключевые слова: Ингушетия, потенциально-конфликтная зона, деструктивные потенции, дестабилизационная система, Ш. Басаев, вооруженный конфликт, латентное состояние.

Стремление оказать помощь народам, имевшим давние разносторонние связи с Россией, а также необходимость решения ряда геополитических вопросов требовали стабильного присутствия государства на Северном Кавказе, привлечения значительных военных, материальных и иных ресурсов для управления обширной территорией [4, с. 66–84]. Это отвечало возникавшим и возникающим геополитическим вызовам и соответствовало требованиям государственной целостности и безопасности Российской империи, а затем СССР и Российской Федерации [16, с. 129–130]. К геополитическим вызовам необходимо отнести, в

первую очередь, стремление ряда государств, квазигосударственных образований, а также представителей различных сепаратистских движений к лидерству стратегического характера [21, с. 39–65]. Попытки в разное время Турции, Англии, Германии, позже – блока североатлантических государств и международных исламистских объединений влиять на ситуацию в регионе Северного Кавказа и Закавказья были направлены на ослабление позиций России и, соответственно, на закрепление своего присутствия в Кавказском регионе [6, с. 36–41]. Для достижения наиболее вероятного результата дестабилизирующей деятельности, заинтересованные стороны выбирали территории, представляющие собой латентные или активно действующие конфликтогенные зоны [5, с. 89–92]. Принято считать, что к «дремлющим горячим точкам» Кавказа относится территория Чеченской республики, что неоднократно рассматривалось в различных исследованиях и периодических публикациях [28, с. 72–79]. Вместе с тем, Ингушетия на протяжении длительного времени представляла собой регион, содержащий целый комплекс исторически сложившихся конфликтных потенциалов, которые мы считаем уместным рассмотреть более подробно.

Во-первых, особое территориально-географическое положение Ингушетии. Непосредственное соседство, а ранее – совместное сосуществование в границах одного субъекта с такой мощной конфликтогенной зоной, как Чечня, создавало благоприятные условия для «перетекания» избыточного деструктивного потенциала [14, с. 39–40]. Кроме того, распад СССР сделал Ингушетию приграничным субъектом. Южный сосед, независимая Грузия, взявшая курс на вступление в НАТО, является участником некоторых проектов западных спецслужб по сбору информации и попытках влияния на обстановку в субъектах Северокавказского Федерального округа [7, с. 51–54]. В свою очередь, труднодоступная горная, горно-лесистая местность Ингушетии создает благоприятные условия для деятельности деструктивных образований: передвижения, устройства баз для размещения людей и хранения материальных средств, организации лагерей боевой подготовки и т. д. [27, с. 72–80].

Во-вторых, наличие исторических предпосылок для возникновения конфликтного потенциала Ингушетии. Речь идет о давней межэтнической напряженности у ингушей и осетин, существовании нерешенного вопроса по территории Пригородного района Северной Осетии, который обе стороны традиционно считают национальной собственностью [31, с. 13–18]. Несмотря на аргументированные требования сторон конфликта, происходившие в Пригородном районе в 1992 г. события носили определенный обоюдный сепаратистский подтекст [17, с. 45–49; 67–70].

В-третьих, критически низкий уровень социально-экономического развития республики. Изменение политической карты постсоветской России разрушило традиционные связи Назрани с такими крупными промышленными центрами макрорегиона, как Владикавказ и Грозный, оставив в Ингушетии лишь слаборазвитый аграрный сектор. Промышленных предприятий, как и крупных нефтяных месторождений, в республике не было, туристической сфере мешала развиваться нестабильная обстановка [32]. Создание в период руководства Р. Аушева свободной экономической зоны на территории Ингушетии не сняло проблемы, а усугубило их, т. к. свободная экономическая зона стала центром притяжения различных криминальных структур. С момента образования и по настоящее время Ингушетия является дотационным субъектом, бюджет которого почти на 95% обеспечивается Федеральными средствами [25, с. 180–182].

В-четвертых, ослабление позиций Федеральных органов управления и, как следствие, повышение роли этносоциальных и этноконфессиональных образований Ингушетии в решении внутренних вопросов и их влияние на отношения республики с Федеральным центром [23, с. 81–95]. Наиболее отчетливо указанное влияние просматривалось на примере деятельности руководителей республики. Так, излишняя интегрированность в этносоциальную среду первого президента, Р. Аушева, привела к лоббированию региональных интересов в ущерб интересам Федеральным [22, с. 64–73]. Назначение на пост президента М. Зязикова, изолированного от влияний этнического и субэтнического характера, создало целый

ряд проблем и противоречий между руководством и социумом Ингушетии, повлекших нарушение диалога субъекта с Федеральным центром. Назначение компромиссной фигуры в лице Ю.-Б. Евкурова указывает на то, что Федеральный центр начал учитывать, в том числе, реакцию этносоциальных и этноконфессиональных образований на выбор главы республики [10, с. 191–194].

В-пятых, наличие в Ингушетии активнодействующих деструктивных формаций: антиправительственной оппозиции, преступных группировок, поддерживающих этносоциальные и этноконфессиональные образования республики, ячеек международных исламистских организаций [8]. Считаем необходимым обратить внимание на тревожный факт наличия т. н. легитимной антиправительственной оппозиции в республике [3, с. 39–43]. С одной стороны, ингушская оппозиция является этнополитическим образованием, выражающим интересы мощных этносоциальных групп, претендующих на главенство в регионе [15, с. 81–83]. С другой стороны, оппозиция – это основная движущая сила т. н. «цветных революций», устанавливающая контакт с «флагманами западной демократии» для привлечения внимания международной общественности к проблемам определенной территории [12, с. 7–9]. Несмотря на то, что достоверных данных о контактах ингушской оппозиции с представителями западных стран нет, имели место высказывания о возможности выхода субъекта из состава Российской Федерации [11, с. 112–126].

Обобщая вышесказанное, можно добавить, что в постсоветский период (1991–2000 гг.) территория Ингушетии представляла собой сложившуюся потенциально-конфликтогенную зону латентного характера [1, с. 64–69]. Начиная с 2000-х гг. обстановка в республике и сопредельных субъектах начала обостряться. Этот процесс происходил под влиянием ряда факторов как внешнего, так и внутреннего характера [14, с. 187–190]. Группа внешних факторов была представлена ухудшением общественно-политической, социально-экономической и оперативной обстановки в макрорегионе вследствие эскалации вооруженного конфликта в Чечне; попытками международных террористических организаций и определенными структурами заинтересованных западных стран

нарушить конституционный порядок и государственную целостность Российской Федерации на Северокавказском направлении [13]. К внутренним факторам можно отнести рост амбиций отдельных региональных лидеров и социальных групп, обозначение их претензий на доминирующее положение в республике [18, с. 84–99]. С этой целью предпринимались попытки искусственного обострения обстановки в Ингушетии, чтобы показать тем самым неспособность Федеральных и региональных властей к руководству в критических ситуациях, применявших непропорционально жесткие методы для поддержания стабильности [19, с. 33–35].

В течение последующих 4-х лет вышеперечисленные факторы активизировали имеющиеся деструктивные потенции, которые объединились в общую систему дестабилизации, охватывающую всю территорию Ингушетии [33, с. 53–60]. Во многом этому способствовало образование в границах республики однородного ментального пространства, основанного на идентичных поведенческих нормах и обычаях ингушского социума, подкрепленных общенациональной идеей восстановления исторической справедливости с одной стороны и привнесенными радикально-исламистскими теориями с другой [29, с. 21–27].

Таким образом, к 2004 г. на территории Ингушетии конфликтный потенциал достиг наивысшего уровня готовности к переходу из латентного состояния в активное со всеми вытекающими последствиями [24, с. 91–97]. Необходимо было лишь иницилирующее действие, детонатор для «пороховой бочки», которой являлась республика. Таким «детонатором» стала деятельность лидера Северокавказского террористического подполья Ш. Басаева. Он появился в Ингушетии в наиболее благоприятный момент для активизации деструктивной деятельности. Было это действие вынужденным, личной инициативой Басаева или входило в планы руководителей международных террористических организаций – нам выяснить не удалось. Мы лишь можем констатировать тот факт, что его появление сопровождалось привлечением значительных финансовых средств из международных исламистских фондов, укрупнением имеющихся и созданием новых де-

структивных подразделений, применением крупномасштабных форм террористической деятельности на территории Ингушетии. Так, вооруженное нападение на силовые структуры г. Назрань в Ингушетии в 2004 г., захват заложников в г. Беслан Северной Осетии в 2004 г. [30, с. 119–121] вооруженное нападение на г. Нальчик в Кабардино-Балкарии в 2005 г. были разработаны, подготовлены и управлялись Ш. Басаевым с территории Ингушетии [26, л. 1–4]. Перечисленные террористические акты стали свидетельством образования еще одной активно действующей конфликтогенной зоны в макрорегионе.

Своевременные действия Федеральных сил позволили замедлить эскалацию конфликта в Ингушетии и, в течение нескольких лет, перевести его из активной стадии в вялотекущую, характеризующуюся инертным состоянием легитимной оппозиции и отдельными нерегулярными проявлениями террористической деятельности со стороны вооруженного подполья [9]. В целом, после 2009 г. обстановка в Ингушетии стала стабилизироваться [2, с. 63–66]. Но, при этом, сохранились все имевшиеся деструктивные образования: оппозиция, структуры радикального ислама, незаконные вооруженные группы различного характера [20, с. 144–153]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что конфликтогенная зона на территории Ингушетии не исчезла, а перешла в латентное состояние в ожидании благоприятных условий для возобновления деструктивной деятельности.

Список литературы

1. Авксентьев В.А. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели [Текст] / В.А. Авксентьев, А.В. Дмитриев. – М.: Альфа-М, 2009. – 164 с.
2. Алиев А.К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе [Текст] / А.К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев. – М.: Наука, 2007. – 583 с.
3. Аствацатурова М.А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе [Текст] / М.А. Аствацатурова, В.А. Тишков, Л.Л. Хоперская. – М.: Росинформагротех, 2010. – 264 с.

4. Безопасность южного макрорегиона как проблема комплексного научного исследования [Текст]: Сб. науч. ст. / Л.В. Батиев [и др.] // Этнические проблемы современности; под ред. Л.В. Батиева. – Ставрополь, 2008. – Вып.13 – С. 66–84.
5. Васюков Д.А. Непризнанные государства [Текст]: Передел мира / Д.А. Васюков, С.П. Веселовский. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 416 с.
6. Вторжение в Россию [Текст] / А. Агафонов [и др.]. – М.: Экспринт, 2003. – 304 с.
7. Добаев И.П. Новый терроризм в мире и на Юге России [Текст]: сущность, эволюция, опыт противодействия / И.П. Добаев, В.И. Немчина. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2005. – 117 с.
8. Добаев И. Идеологические установки и практика исламистских организаций на Юге России в условиях социальных трансформаций [Текст] // Научная мысль Кавказа: период. науч. обществ.-полит. журн. – 2008.
9. Еделев А. Профилактическая спецоперация в Ингушетии продлена / А. Еделев. – Электрон. текстовые данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ingushetiya.ru.org/news/12984/> – Загл. с экрана.
10. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве [Текст] / А.Г. Здравомыслов. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 286 с.
11. Иванова С.Ю. Процесс модернизации и межэтнические конфликты на Юге России [Текст] / С.Ю. Иванова, Э.А. Аракелян // Социально-гуманитарные знания. – М., 2007. – №2. – С. 112–126.
12. Игнатенко А. Интертеррор в России [Текст] / А. Игнатенко. – М.: Европа, 2005. – 112 с.
13. Игнатенко А.А. От Филиппин до Косово [Текст]: Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Независимая газета: ежедн. обществ.-полит. газ. – 2000.
14. Клычников Ю.Ю. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала [Текст]: Исторические очерки / Ю.Ю. Клычников, С.И. Линец. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. – 210 с.

15. Кобахидзе Е.И. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии народов Северного Кавказа [Текст] / Е.И. Кобахидзе, Г.Г. Павловец. – Владикавказ: СОИГСИ, 2009. – 157 с.

16. Конфликтологическая экспертиза угроз и рисков региональной безопасности [Текст]: Т. 5 / В.А. Авксентьев [и др.]. // Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.: Сб. науч. тр. ЮНЦ РАН. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. – 256 с.

17. Костоев Б.У. Кавказский меридиан. К вопросу русско-осетино-ингушских отношений и чеченского урегулирования [Текст] / Б.У. Костоев. – М.: Вестник, Гуманитарный фонд Ингушетии, 2003. – 632 с.

18. Котеленко Д.Г. Изменение этноконфессиональных границ на Юге России в постсоветский период [Текст] / Д.Г. Котеленко, И.А. Миронов, М.Ю. Филиппов // Труды Южного научного центра РАН. Социальные и гуманитарные науки. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. – Т.5. – С. 84–99.

19. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе [Текст]: Идеология и практика (на материалах Республики Дагестан) / Х.Т. Курбанов. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. – 156 с.

20. Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах [Текст]: Общее и особенное (на примере Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Татарстана) / Д. Макаров // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты: Мат. Все-рос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования»: Сб. ст., Казань, май 2008 г. / Сост. и ред. Р.М. Мухаметшин. – Казань, 2009. – С. 144–153.

21. Маркедонов С.М. Сепаратизм на Большом Кавказе в постсоветский период [Текст]: Предпосылки, итоги, перспективы / С.М. Маркедонов // Актуальные проблемы Европы. Сепаратизм в современной Европе. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2009. – №3. – С. 39–65.

22. Матишов Г.Г. Системный анализ социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России [Текст] / Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев; под ред. Г.Г. Матишова // Проблемы консолидации народов Северного Кавказа: Мат. науч.-практ. конф. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. – С. 64–73.

23. Паин Э.А. О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма [Текст] / Э.А. Паин // Куда идет Россия?: Сб. мат. Междунар. конф., Москва, 18–19 января 2002 г. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 81–95.

24. Пашенко И.В. Виртуальный «Имарат» и реальный терроризм на Северном Кавказе [Текст] / И.В. Пашенко // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: Сб. научн. ст. / Гл. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. – С. 91–97.

25. Сампиев И.М. Политическая ситуация в Ингушетии: в преддверии и после смены власти [Текст] / И.М. Сампиев // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – Вып. 64. – С. 180 – 182.

26. Создание Басаевым Ш.С. преступного сообщества на территории северокавказского региона [Архивный документ: уголовное дело] // Информационный центр МВД по Кабардино-Балкарской республике. Ед. хр. 25/7 – 2006. – Л. 1–4.

27. Суший С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия) [Текст] / С.Я. Суший. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. – 218 с.

28. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) [Текст] / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 552 с.

29. Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии [Текст] / З. Тодуа. – М.: Ин-Октаво, 2005. – 272 с.

30. Цагоев И. Беслан: факты и мифы [Текст] / И. Цагоев. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. – 124 с.

31. Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992 – ...). Его предыстория и факторы развития [Текст] / А.А. Цуциев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 202 с.

32. Чабиев Р. Четыре принципа национальной политики империи [Текст] // Сердало (Свет): Республиканская периодическая общественно-политическая газета РИ. – 1993.

33. Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России [Текст] / Г.И. Юсупова. – М.: Собрание, 2009. – 320 с.